

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА С ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Л.Р. Скреминская

Сделана попытка обосновать возможность использования литературного текста как потенциальный источник информации об особенностях повседневной жизни человека той или иной эпохи.

Ключевые слова: текст; интерпретация; знак; семиотика; "Анналы"; метод.

В 1929 г. французские анналисты поставили перед исторической наукой задачу изменить парадигму исторического исследования, перенося внимание в область повседневной жизни людей. Характерным стало использование различных ис-

точников информации о том или ином событии, эпохе, и применение не только специальных исторических методов, но и методов смежных социальных и гуманитарных дисциплин. Другими словами, приоритетной стала междисциплинарность.

В ряду источников, представляющих интерес для представителей новой исторической науки, определенное место занял литературный текст. М.М. Бахтин, не будучи историком, удачно вписался в новую концепцию историко-культурологического исследования и на материале анализа романа Ф. Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль” [1] открыл весьма важную для понимания истории средневековой Европы сторону повседневной народной жизни и народной площадной культуры.

Внимание М.М. Бахтина привлек средневековый человек в его повседневном бытии, что, в принципе, не было новым для литературоведения, но могло представлять интерес для историка. Не случайно так называемая новая историческая наука, манифестируемая анналистами, все свои “атаки” направила на убеждения историков-традиционалистов в том, что “человек во все периоды своего развития оставался неизменным, что в разные исторические периоды (Средневековье или Новое время) он мыслит и действует одинаково” [2]. Анналисты же, поставив в центр исторического исследования человека с его представлениями, страхами, надеждами, стереотипами восприятия и моделями поведения, были решительно убеждены в том, что для понимания истории не следует определять “мотивы поведения средневекового человека а priori, перенося на него доступную нашему восприятию логику современного гражданина” [2].

Историк, по мнению анналистов, должен уметь проникать в механизм мышления человека прошедших эпох, выяснять мотивацию его поведения, которая вытекает из присущего той или иной эпохе способа мировосприятия. Анналисты призывали к коренному изменению отношения к объекту исследования, требовали от историка постановки проблем и выработке гипотез. “Изучая людей прошлого, – утверждали они, – мы вступаем в диалог с ними, вовлекая в историческое исследование как их ценности и другие аспекты сознания, так и систему ценностей историка” [3, с. 15].

Так, в упомянутой выше работе М.М. Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса” в области его внимания оказался человек, освобождающийся от религиозной и феодальной морали Средневековья, человек, который в своих чувствах, мыслях и верованиях хотел быть свободным от чужой воли и внешней опеки, от всего того, что мешало ему мыслить и действовать так, как ему хочется. Такую установку давали и анналисты,

считавшие, что для исследователя особенно важно научиться понимать человека отдельно взятой эпохи, обрести способность выявлять “бессознательные мотивы” его поступков, как бы “подслушивать потаенные разговоры” его сознания (это было названо *ментальностью*). Тогда история “заговорит”, возникнет *диалог* историка и источника. Как отмечает Ю.Л. Бессмертный, анналистами исследовалось не только (и даже не столько) индивидуально сознание, сколько сознание массовое, присущее так называемому “безмолвствующему большинству” общества [5, с. 32]. Историческое исследование должно было выйти за пределы узкоисторических методов и входить в поле методов междисциплинарных. Это привело к постепенному расширению сферы применения антропологического подхода, в которую все больше включается история повседневности, будней и праздников, история частной жизни, семьи, детства. Антропологический подход к истории предопределил появление особого научного направления, включающего в себя изучение всего того, что относится к “privacy”.

Рассматриваемое течение выросло из возникшей на Западе в 1960-е гг. *истории семьи*. Ее представители изучали историю домохозяйства, внутрисемейные отношения, демографические показатели семьи, ее взаимодействие с окружающей средой. Здесь в качестве примера уместно привести работу Ф. Арьеса “Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке”, которая носила новаторский характер, т.к. в ней автор впервые сделал предметом исторического исследования восприятие детства в разные эпохи. Для этой цели он привлек литературные тексты, иконографический материал и даже надгробные изваяния (Арьес), извлекая из анализируемых материалов знаковую информацию о том, каким было восприятие ребенка и отношение к ребенку в эпоху Средневековья, какую одежду носил ребенок и какое место он занимал в семье и обществе в целом [6].

Как видим, в качестве источника здесь также имеет место обращение к тексту литературного произведения. Л. Февр писал по этому поводу: “История использует тексты – это ясно как день. Но не только тексты. А и все источники, какова бы ни была их природа. Те, что находятся в обращении издавна, и те в особенности, что порождены бурным расцветом новых дисциплин: статистики; демографии... лингвистики... психологии... Постоянно устанавливая новые формы связей между близкими и дальними дис-

циплинами, сосредоточивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук – вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей, стремящейся покончить с изолированностью и самоограничением, – задача самая неотложная и самая плодотворная. Речь идет не только о заимствовании понятий, хотя иногда оно и необходимо. Но прежде всего – о заимствовании методов и духа исследования” [7, с. 20].

Текст – это одно из ключевых понятий современной гуманитарной науки, широко применяющееся в семиотике, филологии, структурной лингвистике, культурологии. Как правило, изучением текста занимаются такие науки, как текстология, герменевтика и поэтика. По определению, предложенному в культурологическом словаре, текст – это «синтетически обобщенная форма языка культуры (знаки и совокупности знаков), в которых “зашифрована” социальная информация, т.е. вложенные в них людьми знания, ценности и регулятивы» [8, с. 322]. Однако в современной интерпретации текст не сводится только к речевому акту или совокупности письменно зафиксированных высказываний. В понятии “текст” рассматривается все, что создано человеком.

По определению М.М. Бахтина, текст “является той непосредственной действительностью (действительностью мыслей и переживаний)”, из которой “только и могут исходить” и гуманитарные дисциплины, и гуманитарно-филологическое мышление в целом. “Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления” [9, с. 281]. Следовательно, любое явление культуры, созданное человеком, можно рассматривать как текст, как “связный знаковый компонент”, прочитать и понять который можно при условии, если овладеешь спецификой этих знаковых компонентов.

Интерпретация художественного текста является сложной деятельностью, включающей в себя действия по восприятию, пониманию письменного текста и его элементов, а также по анализу и оценке его содержания. Интерпретировать (от лат. *interpretatio*) – истолковать, объяснить литературное произведение, постичь его смысл, идею, концепт, извлечь из него максимум информации, как можно полнее познать не только то содержание, что заложено автором, но и то, что потенциально содержится в нем, зачастую помимо авторской интенции. Логическим выводом такого толкования интерпретации является невозможность единственно правильного вари-

анта интерпретации, поскольку каждый читатель в силу своего интереса и поставленной задачи извлекает из текста разную по содержанию информацию. Определенный оттенок накладывает на интерпретацию и временной компонент: соотношение эпох, представленных интерпретатором и интерпретируемым.

По определению С.М. Шакирова, феномен художественного текста заключается в принципиальной неисчерпаемости выраженных в нем смыслов и идей: каждое новое прочтение увеличивает пространство его понимания [10]. Интерпретация конкретного текста должна подводить исследователя к культурологическому и историческому пониманию его текстовой семантики. Структура текста является моделью, воссоздающей образ действительности. У каждого элемента этой модели – особая семантическая нагрузка. В процессе интерпретации художественного текста исследователем или просто читателем происходит постижение отраженной в тексте действительности.

Традиционно мыслящий читатель полагает, что тексты способны говорить сами, потому в художественном тексте он (читатель. – Л.С.) стремится уловить лишь систему событий и характеры героев. Однако для исследователя, стремящегося уловить в тексте нужную ему информацию, важно научиться вычленивать необходимый дискурс и через систему культурных кодов находить и выделять необходимую информацию. Другими словами, исследователь истории и культуры повседневности использует свой метод работы – *вчитывание в текст*, он стремится проанализировать литературный текст как бы изнутри, со стороны повседневного обычного мира людей, их занятий, отношений, ценностных предпочтений, права человека жить, одеваться, питаться по своему вкусу, подчиняться установленным и принятым традициям и ценностям. Так, потенциальным текстом может быть человеческий поступок, понять и объяснить который можно только “в диалогическом контексте своего времени” [9, с. 286], текстом культуры может служить литературный образ героя, в котором воплощены наиболее характерные черты эпохи или тип поведения, свойственный определенному социальному кругу [11, с. 331–384; 12, с. 184–216].

Примером историко-антропологического анализа художественного произведения может служить работа с текстом Ю.М. Лотмана, который демонстрирует изменение понимания им последнего и его функций в условиях новой си-

туации в развитии гуманитарного знания, сложившейся в последнее двадцатилетие XX в. В своих последних трудах ученый обосновывал представление об активности и субъективности текста, вступающего во множественные отношения с различными контекстами и порождающего тем самым различные смыслы и толкования. Так, он отмечал, что «такое “перекодирование самого себя” в соответствии с ситуацией обнажает аналогию между знаковым поведением личности и текстом. Таким образом, текст, с одной стороны, уподобляясь “культурному макрокосму”, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности. Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [13, с. 89–90].

Ю.М. Лотман дает ключ к изучению семиотики истории, рассматривая текст исторического источника как зашифрованное описание, требующее реконструкции набора кодов, которыми пользовался создатель текста, и установления их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь [12, с. 302]. Семиотика истории предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника [1, с. 26].

Рассмотрим, как реализуется семиотический метод в работе Ю.М. Лотмана “Декабрист в повседневной жизни”. Уже в самой попытке рассмотреть основные признаки повседневного бытового поведения декабристов “как деятельности по созданию *особого типа русского человека*”, по своему поведению резко отличающегося от того, что знала вся предшествующая русская история, Ю.М. Лотман выходит за рамки традиционной проблематики гуманитарных наук, связанных с исследованием декабризма. Автор формулирует гипотезу, на проверку которой направлено исследование, уже в постановке своей задачи. Анализируя на базе привлечения исторических и литературных источников проявления бытового поведения декабристов в сравнении с поведением других категорий дворянского общества – “реакционеров” и “гасильников”, “современных либеральных и образованных дворян”, Ю.М. Лотман выделяет такие черты декабриста, как сознательное нарушение светских норм и условностей, выступление речевого поведения

в качестве главной формы действия, “литературность” и “театральность”, т.е. стремление рассматривать все поступки как знаковые.

Закономерно встает вопрос: чем это было обусловлено? Отвечая на него, Ю.М. Лотман анализирует психологические характеристики дворянских революционеров в контексте их деятельности, общей историко-культурной ситуации эпохи, приходя к выводу, что они воспринимали себя в качестве исторических лиц, великих людей. “Осознание себя как исторического лица заставляло оценивать свою жизнь как цепь сюжетов для будущих историков, а вслед за ними – поэтов, художников, драматургов. С этой позиции в оценку собственной реальной жизни невольно вмешивался взгляд со стороны – с точки зрения потомства. Потомок – зритель и судья того, что великие люди разыгрывают на арене истории. И декабрист всегда ощущает себя на высокой исторической сцене” [11, с. 338].

Рассмотрение поведения декабристов как текста позволило Ю.М. Лотману выявить особенности взаимодействия и значения его основных элементов как имеющих смысл в рамках определенной иерархии с точки зрения общей жизненной стратегии. Например, “литературность” и “театральность”, вытекающие из жизненной установки декабристов, приводили к “перемещению” привычных смысловых связей. “В обычной жизни, – пишет Ю.М. Лотман, – слово вызывает поступок: сказанное словами получает реальное завершение в действии. В жизненном поведении декабриста, как на сцене, порядок оказывается противоположным: поступок как практическое действие увенчивался Словом – его итогом, оценкой, раскрытием его символического смысла. То, что сделано, но осталось не названным в теоретической декламации, в записи историка или в каком-либо еще тексте, пропало для памяти потомства и как бы не существует. В жизни слово существует, если влечет за собой действие, – в воззрениях декабриста поступок существует, если увенчивается Словом” [11, с. 338].

Кроме того, слово декабриста – это всегда слово, сказанное гласно и публично. Для декабриста было характерно особое внимание к слову, жесту, поведению в целом. Поскольку бытовое поведение не могло быть предметом для прямых политических обвинений, его не прятали, а, наоборот, подчеркивали и превращали в некоторый опознавательный знак. Эти особенности речевого поведения ставили декабристов

в сложное, противоречивое отношение к проблеме конспирации [11, с. 340–342].

Рассмотрев проявления поведения декабристов, Ю.М. Лотман приходит к выводу, что его элементы образовывали иерархию: жест – поступок – текст. “Последний, – отмечает автор, – следует понимать как законченную цепь осмысленных поступков, заключенную между намерением и результатом” [11, с. 343]. Выявив феномен влияния художественной литературы, прежде всего романтизма, на формирование и распространение культурных образцов и моделей поведения части образованного дворянства, Ю.М. Лотман показывает значение литературных сюжетов как *кодов*, позволяющих проникнуть в скрытый смысл реального поведения человека декабристского круга. “Подобно тому, как жест и поступок дворянского революционера получали для него и окружающих смысл, поскольку имели своим значением *слово*, любая цепь поступков становилась текстом (приобретала значение), если ее можно было прояснить связью с определенным *литературным сюжетом*” [11, с. 343]. Используя обширный исторический материал, автор убедительно аргументирует тезис о том, что в жизненной ситуации становилось значимым (и, следовательно, заметным для участников) то, что могло быть отнесено к литературному сюжету. Ю.М. Лотман показывает, что знаковое поведение декабристов было их осознанным выбором, формой свободной активности. Проведенное исследование позволяет ему подтвердить предварительную гипотезу о наличии особого бытового поведения декабристов: “Декабристы строили из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII–XIX вв. сознательную систему идеологически значимого бытового поведения, законченного как текст и проникнутого высшим смыслом” [11, с. 346].

Приведем другой пример прочтения литературного текста с историко-антропологической перспективы. Э. Косовска, профессор Шленского университета, предлагает свою интерпретацию исторического романа Г. Сенкевича “Потоп” [15, с. 15–22]. “Несмотря на то, – отмечает польская исследовательница, – что польская культура и история принадлежат к числу культур, известных в незначительной степени, историческая трилогия Г. Сенкевича достаточно насыщенно представляет значительный период жизни польского государства и польского народа, открывая перед читателем не только мир польской истории, но и польской шляхетской культуры” [14, с.

109] (перевод мой. – Л.С.). Автор исторической трилогии Сенкевич постарался довести до сознания читателя все особенности “шляхетного” “этикетного” рыцарского поведения, с его культом бесстрашия, патриотизма, справедливости и независимости, стремление к славе, непомерное честолюбие, вместе с тем отразил в этом поведении и альтернативные культурные традиции. Так, сцена из “Потопа”, в которой маршалек Любомирский, пьяный от вина и собственного превосходства, разбивает в честь короля о собственную голову дорогой бокал, стоимость которого, по оценке папского нунциата и чужеземца, могла бы два войска обеспечить, демонстрирует характерное для польской шляхты пренебрежение к материальному благу и роскоши, а вместе с тем и грубое и разнузданное поведение.

Историко-антропологический горизонт сенкевичевских текстов прослеживается, с одной стороны, в философской концепции человека, сформированной на основе средиземноморско-античных представлений и христианской веры, с другой же стороны, здесь “прослеживается достаточно специфичный контекст польской культуры с ее мифологией, комплексами, претензиями, авторитаризмом и ощущением исторической миссии при одновременной открытости для переговоров и компромиссов” (здесь и далее перевод с польского авт. – Л.С.) [15, с. 21].

Создавая образы своих героев, Сенкевич продемонстрировал свое решительное убеждение в том, что именно шляхта была самой извещенной представительницей польского народа, носительницей его идеалов, а другие слои находились в сильной зависимости от выработанных ею правил и взглядов. В представленной Сенкевичем в “Потопе” и других романах трилогии картине польскости принципиальную роль играет реконструированная модель польской культуры и польского шляхетного поведения. Такая модель поведения обуславливает демонстрацию гордости, честолюбия и подчеркнуто декларированного равнодушия к материальному достатку (добру). Сенкевич подчеркивает характерную для польской шляхты склонность к поведению, имеющему много общего с поведением драчливым, что всегда вызывало удивление и недопонимание у иностранцев.

Каждая эпоха утверждает свой собственный способ описания действительности и демонстрирует свой отличный взгляд на нее. Г. Сенкевич, писатель XIX в., обращается к событиям польской истории XVII в., ко времени “шведского потопа”. Помимо того, что он дает описание

важных для польской истории событий, в романе содержится не менее важная для историка информация о частной и повседневной жизни польской шляхты. Так, Э. Косовска, сосредоточивая внимание на образе главной героини Александры Белевич, рассматривая его как “текст культуры” [14], выделяет в ее поведении и отношениях с миром те исторически обусловленные шляхетским воспитанием черты характера, которые, при всей ее любви к Кмицецу, не позволяют ей смириться с его недоброй репутацией и простить его предательства. Доктор Косовска детально анализирует все знаки “этикетного” шляхетского поведения, которые позволяют глубже понять не только исторические события XVII в., но и особенности взаимоотношений человека с окружающим его миром.

Таким образом, интерпретация литературного текста с перспективы исторической антропологии может служить составной частью исторического метода, который в конце XIX – середине XX вв. включен антропологически ориентированный подход к историческому познанию. Этот подход к анализу исторического процесса позволяет вывести историю в междисциплинарное пространство, проанализировать эпоху или отдельную историю человеческой жизни во всех формах ее проявления. В этом случае полезной для историка может быть литература, презентующая индивидуализированные способы подхода к жизни и нормы поведения, характерные для того или иного культурного хронотопа. В литературном произведении мы видим определенные способы восприятия действительности, предложенные в подробном описании. Все это принадлежит к области жизненного опыта человека, писателя, читателя, исследователя. Кроме того, историко-антропологический подход к анализу литературы дает возможность исследовать и реконструировать культурный контекст отдаленного от нас во времени и пространстве народа или эпохи.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. Филюшкин А.И. Новая историческая наука // <http://www.history.pu.ru/struct/cathed/russian/prof/fil.htm>
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1991.
4. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.
5. Бессмертный Ю.Л. Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 1998.
6. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
7. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
8. Лихвар В.Д., Погорельый Д.Е., Подольская Е.А. Культурология // Библиотека словарей. М., 2008.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
10. Шакиров С.М. Текст и его интерпретация // http://un.csu.ru/gazeta/74/1227_1.html
11. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Беседы о русской культуре. СПб., 2006.
12. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
13. Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М., 1999.
14. Kosowska Э. Olenka Bilewiczowna. Postac w przestrzeni kulturowej // Postac literaska jako tekst kultury. Katowice: Slask, 1990.
15. Kosowska Э. O antropologii i antropologii literatury // Niegocjacje i kompromisy. Antropologja polskosci Henrika Sienkiewicza. Katowice, 2002.